

Л. В. Крошкина

Определение Поместного собора 1917–1918 годов «О церковном проповедничестве»: исторический контекст и актуальные задачи

Статья посвящена анализу одного из документов Поместного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. — Определению «О церковном проповедничестве» — и отвечает на вопрос, каковы истоки соборного документа и связанной с ним дискуссии, как проблемы, затронутые в Определении, обсуждались до собора, как они решались в дальнейшем. В статье использованы различные публикации по теме проповедничества конца XIX — начала XX в. Особый интерес представляет пункт Определения о создании благовестнических братств и перспективы его дальнейшего воплощения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: проповедь, церковное проповедничество, Священный собор Православной Российской церкви, пастырское служение, благовестнические братства.

Среди российских иерархов, богословов, преподавателей духовных учебных заведений рубежа XIX–XX веков проблемы церковного проповедничества обсуждались задолго до созыва Великого московского собора 1917–1918 гг. Состояние проповедничества в православии многими оценивалось как глубоко кризисное. Архиепископ Харьковский Амвросий (Ключарев), автор вдохновенного трактата о проповеди-импровизации «Живое слово» (1892 г.), упоминает о всеобщей жалобе на «скудость и бесплодность» проповеди современного духовенства и ее несомненном «упадке» [Амвросий, 28–29]. Историк Русской церкви академик Е. Е. Голубинский с горечью констатирует: «...проповедь начала становиться все реже и реже и, наконец, смолкла», — и призывает к ее непременно восстановлению

в том виде, как она существовала в первые века христианства, а именно — чтобы она стала необходимой и совершенно регулярной принадлежностью воскресной и праздничной литургии [Голубинский, 41].

Богослов Н. П. Аксаков посвящает проблеме восстановления в церкви истинного учительства один из главных своих трудов «Духа не угашайте» (1892), архиепископ Антоний (Храповицкий) ведет постоянную дискуссию о проповедничестве на страницах «Руководства для сельских пастырей», в том числе об участии в этом служении мирян. В. П. Виноградов, экстраординарный профессор Московской духовной академии по кафедре гомилетики и пастырского богословия, свидетельствует о «трагическом» положении проповедничества накануне революции [Виноградов, 230]. «Наше духовенство в общем все еще довольно равнодушно к делу проповеди», — писал на страницах «Богословского вестника» С. П. Казанский. Отмечая глубокие проблемы подготовки проповедников в духовных семинариях, он считал, что готовящаяся реформа семинарии в первую очередь должна коснуться науки гомилетики «едва ли не прежде и больше других» [Казанский, 70, 79].

В отзывах епархиальных архиереев 1905 г. также звучат высказывания о необходимости возрождения традиции проповедничества. Архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) считал необходимым ввести ежедневную проповедь как «обязательную принадлежность богослужения» [Отзывы, 888], для чего предлагал некоторое переустройство храмового пространства (поставить сидения для слушающих). Епископы Нижегородский Назарий, Астраханский Георгий и др. утверждали острую актуальность нового взгляда на место и роль проповеди в пастырском служении.

На Поместном соборе 1917–1918 гг. эта тема стала одной из самых насущных, требующих срочного решения. «Определение о церковном проповедничестве» было принято 1 декабря 1917 г. Некоторые участники Собора, например миссионер Андрей Гаврилович Куляшев, заявляли о «настоящей катастрофичности» состояния церковного народа, не знающего ни догматов, ни церковной истории, ни общеупотребительных молитв, и о том, что все это — прямое следствие упадка проповедничества [Священный Собор, кн. III, 155]. На Соборе было много сказано о проблемах церковного народа, его обрядоверии, лицемерии и невежестве, связанных с «ложным воспитанием», — следствием «плохо

поставленной проповеди» (прот. Е. И. Бекаревич) [*Священный Собор, кн. III, 144*].

В Определении Собора можно выделить несколько основных тезисов [*Определение, 9–12*].

1) Проповедь — одна из главнейших обязанностей пастырского служения — должна звучать как можно чаще и не только на богослужении. За каждой божественной литургией в воскресные и праздничные дни — обязательно.

Обсуждение подготовленного подотделом (под председательством протопр. Георгия Шавельского) документа о проповедничестве и дискуссия на соборе также выявили кризисные явления. Звучали утверждения, что священник в первую очередь «тайносовершитель и молитвенник» (архим. Вениамин) [*Священный Собор, кн. III, 134*] и лишь потом проповедник, что проповедь не «гармонизирует с молитвенными целями богослужения» [*Протоколы, заседание 4, 41*], многие пастыри не имеют должного желания и способности к благовестничеству, что истовое богослужение является «пассивным учительством» и лучшей проповедью, а богослужение за счет проповеди увеличится (озвучено в докладе Г. И. Булгакова) [*Протоколы, заседание 4, 41*]. Проповедь не всегда получается удачной, поэтому, может быть, вместо нее лучше прочесть слово святых отцов (еп. Прокопий) [*Протоколы, заседание 5, 72*]. Проповедь — традиция скорее западная, а восток более укоренен в молитве и созерцании (из выступления С. А. Котляревского) [*Священный Собор, кн. III, 137*].

Но бóльшая часть участников подотдела выступила за самую решительную формулировку о значении проповедничества, гласящую, что это *главнейшая* обязанность пастыря. Для убедительности было приведено большое количество ссылок на Священное писание и каноны. Собор, рассматривая документы подотдела, все же изменил формулировку постановления: проповедь является не *главнейшей*, а *одной из главнейших* обязанностей пастыря.

2) «Право церковного учительства принадлежит пастырям Церкви» [*Определение, 10*]. В данном тезисе Собор ссылается на самый категоричный канон о проповедничестве — 64 правило Трульского собора. Но «для большего усиления и развития православно-христианского благовестия, сообразно с требованиями настоящего времени», к проповеди помимо священства не просто возможно, но и «весьма желательно» привлекать «не только дьяконов и псалом-

щиков, но способных к проповедничеству благочестивых мирян» при благословении епископа и разрешении местного священника. Миряне-проповедники «посвящаются в стихарь и именуются благовестниками», т. е., по сути, входят в клир [*Определение, 10*].

Главным препятствием для подобного решения было 64 правило Трулльского собора, гласившее:

Не подобает мирянину пред народом произносить слово, или учить, и тако брать на себя учительское достоинство... <...> Если же кто усмотрен будет нарушающим настоящее правило: на сорок дней да будет отлучен от общения церковного [*Книга правил, 101*].

Г. И. Булгаков назвал ситуацию невозможности проповеди мирян «паралитичным состоянием» [*Протоколы, заседание 4, 41 об.*] в церкви.

Один из самых авторитетных епископов Русской церкви Антоний (Храповицкий), известный как большой сторонник мирянской проповеди еще в публикациях 1880–1890-х гг., заявил, что данный канон в современных условиях необходимо скорректировать, так как он принимался исходя из конкретных задач и внешних условий жизни церкви, изменившихся ныне. По его мнению, в сложившейся церковной ситуации проповедь носит «огласительный или миссионерский характер», поэтому она «позволительна для всех, посвящающих себя на всецелое служение Богу, хотя бы и до их рукоположения» [*Антоний, 179–180*]. Таким образом, именно миссионерский аспект проповеди становится поводом для такого радикального решения Собора. Но есть и обратная сторона — это формулировка «сообразно с требованием настоящего времени» [*Определение, 10*], которая характеризует относительность данного решения. Такая формулировка предполагает, что с изменением требований времени и решение тоже может измениться.

Вопрос о проповедничестве мирян по-новому встал на Соборе 11 (24) июля 1918 г. при обсуждении доклада Отдела о церковной дисциплине «Об участии женщин в жизни церкви». После выступления прот. Петра (Миртова) разгорелась дискуссия, связанная с одним из пунктов доклада:

В исключительных случаях допускать женщин к исполнению должности псаломщика со всеми правами и обязанностями штатных псаломщиков, но без включения в клир [*Священный Собор, кн. IX, 187*].

Псаломщик может входить в алтарь и даже проповедовать. Однако в докладе поясняется, что

...Отдел и не предполагал выводить женщину на церковный амвон... ..В других местах церковно-общественных собраний христианская женщина может и должна возвышать свой верующий голос на благо церковного устройства [*Священный Собор, кн. IX, 195*].

Важно учитывать исторический контекст дискуссии. В июле 1918 г. катастрофически развивались политические события: страна оказалась в огне гражданской войны и большевистского террора, каждый день на Собор приходили известия о новых мучениках, заседания приходилось прерывать, чтобы совершить заупокойную молитву. Во время работы отдела прозвучали слова:

И если... ослабевают вера... в суровом сердце мужчин... равнодушие к Евангельской истине охватывает многих из них, то этого, хотя с некоторыми ограничениями, нельзя сказать о женской половине верующих членов Церкви Христовой. ...Они еще полны горячей преданности Церкви [*Священный Собор, кн. IX, 187*].

Несмотря на то, что в прениях со стороны многих членов Собора (А. В. Суворов, Л. К. Артамонов, С. А. Котляревский, А. Д. Самарин, прот. К. М. Аггеев и др.) высказывались предложения о еще большем расширении прав женщин, они были отклонены из-за опасения некоторых участников обсуждения, что это станет «щупальцем, которое может проникнуть в любую семью и привлечь членов ее в секту» (В. Г. Рубцов — торговый приказчик из Кашинского уезда Тверской епархии) [*Священный Собор, кн. IX, 188*] или привести к соблазну и неприятным последствиям (митрополит Арсений (Стадницкий)).

Не прозвучал ответ на существенный вопрос прот. Иакова Галахова, профессора Томского университета, магистра богословия, заданный в его докладе во время работы Отдела церковной дисциплины: «Не пришло ли время призвать женщину к самому широкому участию в жизни Церкви?» [*Священный Собор, кн. IX, 187*].

Таким образом, Собор утвердил за женщиною право «участия во всех просветительных, благотворительных, миссионерских и церковно-хозяйственных учреждениях», а также позволил «в особых исключительных случаях допускать женщин к исполнению должности псаломщика со всеми правами и обязанностями

штатных псаломщиков, но без включения в клир» [*Священный Собор, кн. IX, 187*]. Последнее право имеет отношение не к проповедничеству и учительству, а к заботе «о чистоте и благолепии храма и [к чинному отправлению] Богослужения в качестве чтеца и певца» [*Священный Собор, кн. IX, 187*]. Поправки об исключении фразы «без включения в клир» были отклонены.

История внесла свои коррективы в этот вопрос. Известно, что мать Мария (Скобцова) проповедовала не только в местах церковно-общественных собраний, но и за богослужением, особенно во французских провинциях, по благословению митрополита Евлогия (Георгиевского), председателя Отдела о проповедничестве, богослужении и храме на Соборе 1917–1918 гг.

3) «Для достижения общепонятности» Собор разрешает употребление на церковной кафедре местных языков и наречий [*Определение, 10*].

Этот вопрос не праздный для России начала XX в. Напомним, что, например, известный профессор Киевской духовной академии Василий Федорович Певницкий в своем гомилетическом учебном пособии «Церковное красноречие и его основные законы» высказывался однозначно за то, что проповедь не может произноситься, например, на малоросском наречии [*Певницкий, 236–237*].

4) Для *оживления и развития проповеди* Собор рекомендует:

- образовывать благовестнические братства из клириков и мирян на всех уровнях церковного устройства (приходском, благочинническом, уездном, епархиальном) под началом епископа, а также в монастырях;
- «заботу о проповеди» как миссионерской задаче в дни особых торжеств при многолюдном стечении молящихся;
- учредить должности епархиальных проповедников-благовестников, которые будут собирать церковный народ в этом направлении.

Председатель богослужебного отдела архиеп. Евлогий (Георгиевский) пояснил, что подразумевается под «благовестническими братствами»: речь идет «об организации учащих сил Церкви» [*Священный Собор, кн. III, 172*], для чего все живые силы должны собираться «в особые кружки, братства» [*Священный Собор, кн. III, 172*].

5) Особое внимание Собор уделяет подготовке будущих проповедников:

- устройство науки «проповедничества»;
- издание новых учебников, сборников проповедей, создание различных пастырских курсов и т. д., их связь с аскетической письменностью;
- образование особых библиотек;
- увеличение практических занятий для семинаристов;
- научную кафедру церковного проповедничества предоставлять только особенно подготовленным, опытным в проповеди пастырям и мирянам;
- организация в семинариях благовестнических кружков;
- издание проповеднического журнала для снабжения проповедников материалом;
- устройство кратковременных проповеднических курсов;
- командирование выездных проповедников;
- благословение всем ревностно подвигающимся на ниве проповедничества.

Очевидно, что Собор подошел к вопросу проповеди системно. Но спустя столетие мы имеем возможность задать к этому постановлению свои вопросы.

Все ли проблемы были затронуты, обсуждены и решены на Соборе?

Вопрос, где именно, в какой момент богослужения желательна проповедь, почти не обсуждался и не вошел в Определение.

Каков должен быть проповедник? — любимый вопрос М. М. Тареева¹ — также не вошел в Определение, хоть и поднимался некоторыми участниками.

Взаимосвязь проповеди, проповедника и собрания, характер и направленность проповеди — миссионерской, катехизической, пастырской — не стали предметом обсуждения Собора. А это одна из насущнейших проблем: напомним, что о. Александр Шмеман говорил о том, что сущность современного учительного кризиса «в забвении того, что есть проповедь в собрании Церкви» [Шмеман, 89].

1. См. его статью: Тареев М. М. Каков должен быть проповедник? (Из критических очерков по вопросам гомилетики) // Богословский вестник. Т. 3. № 12. 1902. С. 478–505.

Конечно, Собор просто не успел многое сделать. Например, вопрос качества собрания церковного народа и его устройства рассматривался в другом документе, предваряющем работу Отдела по церковному уставу «Введение в приходской устав».

Особенно интересно для нас, что такое «благовестнические братства», к организации которых так настоятельно призывает Собор? Есть ли примеры? Успели ли они организовать? Как они связаны с теми братствами, которые стали появляться в 1920-е годы? Все это требует новых исследований.

Известен опыт епископа Макария (Опоцкого), рукоположенного патриархом Тихоном в качестве епископа-катехизатора, т. е. проповедника. Плодом его активной деятельности стали многочисленные братства, появляющиеся, как грибы, в каждом месте его пребывания. Можно ли их назвать «благовестническими»?

Известно Братство ревнителей и проповедников православия в Москве под руководством прот. Романа Медведя, организованное до утверждения «Определения о церковном проповедничестве» 1 октября 1917 г. С февраля 1918 г. братство стало вести активную деятельность: читать лекции в различных аудиториях, устраивать собрания верующих для обсуждения животрепещущих проблем и евангельские собрания, издавать апологетические брошюры, привлекать мирян к проповедничеству и т. д. В его уставе была обозначена цель:

...На основах жизн <u> по вере и проповед <u> Евангелия объединять православных христиан, ревнующих о своем спасении и обновлении жизни церковной [Из устава, 364].

Наряду с этой деятельностью братство предполагало открывать школы для подготовки мирян-проповедников. Например, известно, что оно сотрудничало с храмом св. вмч. Димитрия Солунского у Тверских ворот (Москва) и посылало в этот храм своих благовестников для проповеди по воскресным и праздничным дням. Очевидно, в этой деятельности братство руководствовалось Определением Собора «О церковном проповедничестве». Это было не только проповедническое, благовестническое братство, так как оно возрождало церковную жизнь в полноте, чтобы во всех сторонах жизни человека воссиял Свет Христов. В обращении братства, в частности, говорилось::

Кто желает, приходите. Будем вместе молиться, изучать слово Божие, советоваться между собою обо всем, что должно интересоваться православного христианина, будем помогать друг другу в устроении между собою подлинных братских отношений [*Обращение*, 376].

Таким образом, можно видеть, к каким полноценным плодам — возрождению полноты церковной жизни, подлинно христианских отношений на евангельских основах — может привести устремление к возрождению проповедничества в свете решений Великого московского собора 1917–1918 годов.

Источники и литература

1. *Амвросий* = Амвросий (Ключарев), архиеп. Искусство проповеди. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2006. 176 с.
2. *Антоний* = Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. М. : Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 324 с.
3. *Виноградов* = Виноградов В. П. О церковной проповеди накануне революции // Богословский вестник. 1917. Т. 2 № 8/9. С. 225–236.
4. *Голубинский* = Голубинский Е. Е. О реформе в Русской церкви // Православная община. № 5. 1991. С. 33–44.
5. *Из устава* = Из устава Московского Братства — союза ревнителей и проповедников православия // Православная Москва в 1917–1921 годах : Сборник документов и материалов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич. М. : Изд-во Главархива Москвы, 2004. С. 364.
6. *Казанский* = Б. Г. [Казанский С. П.] О преподавании гомилетики в наших духовных семинариях // Богословский вестник. 1900. Т. 2. № 5. С. 66–91.
7. *Книга правил* = Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М. : Об-во им. свт. Льва, папы Римского, 2009. 448 с.
8. *Обращение* = Обращение к православным христианам с призывом объединяться в церковные братства // Православная Москва в 1917–1921 годах : Сборник документов и материалов / Авт.-сост. А. Н. Казакевич. М. : Изд-во Главархива Москвы, 2004. С. 376.
9. *Отзывы* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе : В 2 т. Репр. воспр. изд. 1906 г. Т. 1. М. : Крутицкое Патриаршее подворье ; Общ-во любителей церковной истории, 2004. 1038 с.
10. *Певницкий* = Певницкий В. Ф. Церковное красноречие и его основные законы. Киев : Тип. И. И. Горбунова, 1906. 297 с.

11. *Протоколы, заседание 4* = Протоколы и стенограммы заседаний отдела о проповедничестве, богослужении и храме. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Заседание 4. Л. 41–60.
12. *Протоколы, заседание 5* = Протоколы и стенограммы заседаний отдела о проповедничестве, богослужении и храме. ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 283. Заседание 5. Л. 64–82.
13. *Священный Собор, кн. III* = Священный Собор Православной Российской церкви : Деяния. Кн. III : Деяния XXXI–XL. Репр. воспр. изд. 1918 г. М. : Новоспасский монастырь, 1994. 260 с.
14. *Священный Собор, кн. IX* = Священный Собор Православной Российской Церкви : Деяния. Кн. IX : Деяния 118–136. Репр. воспр. изд. 1918 г. М. : Новоспасский монастырь, 2000. 263 с.
15. *Определение* = Определение Священного Собора Православной Российской Церкви о церковном проповедничестве 1 декабря 1917 г. // Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви. Репр. воспр. изд. 1918 г. Вып. 2. М. : Синод. тип., 1994. 187 с.
16. *Шмеман* = Шмеман Александр, протопр. Евхаристия : Таинство Царства. М. : Паломник, 1992. 304 с.

L. V. Kroshkina

The Resolution of the 1917–1918 Local Council “On Church Preaching”: Historical Context and Crucial Tasks

This article analyses one of the resolutions of the 1917–1918 Local Council of the Russian Orthodox Church, entitled “On Church Preaching”, focusing on its origins and related debates. The author also addresses the question of how the issues raised in the conciliar document were discussed before the Council and solved in the years since. The article is based on various publications on church preaching dated back from the late XIX — early XX centuries. Of particular interest are the Resolution’s paragraph concerning the establishment of missionary brotherhoods and the consideration of how this initiative was further implemented.

KEYWORDS: sermon, church preaching, the Holy Council of the Russian Orthodox Church, pastoral ministry, missionary brotherhoods.